



# НА КРАЮ МОМСКОЙ НАЛЕДИ

Большая часть территории Якутии, сравнимой по площади со всеми странами Европы вместе взятыми, до сих пор остается малодоступной, скрывая удивительные места.

📷 Сергей КАРПУХИН

Большая Момская наледь, или Улахан-Тарын, — одна из самых крупных по площади речных наледей в мире. Поразительное явление эти наледи. Зимой, в 50–60-градусные морозы, что здесь не редкость, на наледях вода постоянно выходит на поверхность. А летом намерзший за зиму лед (площадью до 90 квадратных километров!) не успевает растаять и принимает самые причудливые формы, а река, пробиваясь через него, образует многочисленные коридоры и арки с ярко-голубыми сводами.

Будь эта наледь где-нибудь на Аляске, весь мир знал бы о ней и самые отчаянные путешественники ежегодно проверяли бы свои силы, пытаясь добраться до такого природного чуда. Но в нашей Якутии не все так просто, и в этом есть какая-то несправедливость.

### ЯКУТСКИЙ БЕРЕГ

Улахан-Тарын — моя давняя мечта, еще с 2000 года, когда я завершил трехлетний цикл автономных экспедиций на байдарке «5000 километров в одиночку» по реке Нижняя Тунгуска, водным артериям Эвенкийского автономного округа и реке Оленёк до моря Лаптевых. Тогда я установил своеобразный рекорд — 40 дней в пути, за которые мне не встретилось ни одного человека. Летом 2012 года звезды наконец-то сошлись так, что стало возможно воплотить планы в жизнь.

Улахан-Тарын — один из основных объектов Момского природного парка, расположенного на востоке Якутии. Наледь лежит в 150 километрах от районного центра Хонуу, который находится в месте впадения Момы в реку Индигирку. Никаких дорог — добраться сюда без содействия руководства парка почти невозможно. Летом, впрочем, можно подняться вверх по течению Момы на моторной лодке — что я и сделал благодаря представителям администрации парка.

*В абсолютной глуши, примерно в двух километрах от наледи, на правом берегу реки стоят две избышки кордона природного парка. В одной из них я и расположился.*

В описаниях конца прошлого века говорится, что мощность льда в Большой Момской наледи достигает шести и даже восьми метров. Но мне не удалось обнаружить пластов льда толще двух с половиной метров. А жаль — деградирует еще один уникальный природный объект.

В нижней, западной части Улахан-Тарына я провел две недели. Иногда, чтобы не пропустить самые красивые моменты — восход или закат, — приходилось ночевать прямо на наледи, в маленькой палатке. «Ночевать», конечно, громко сказано: в июне-июле здесь стоит полярный день. Около часа ночи солнце уходит за горы Момского хребта и уже в четыре утра вновь поднимается над ними, лишь немного сместившись вдоль линии горизонта.

К собственному удивлению, в какой-то момент ловишь себя на том, что начинаешь относиться к наледи как к живому существу. Постоянно с треском рушатся ледяные пласты, создавая впечатление, будто некий сказочный гигант стонет под натиском солнечного тепла и разъедающих его дождей.

Как запланировал, перебираюсь оттуда на байдарке на несколько десятков километров выше по реке. В окрестностях Улахан-Тарына никто не живет. Ближайший населенный пункт — Сасыр, место компактного проживания эвенов в верховьях Момы. Сами эвены предпочитают называть свой поселок Чистай.

До Сасыра от верхнего, восточного края наледи больше сотни километров. Совершенно дикие и первозданные места. Где-то на Момском хребте кочуют оленеводы, а по рассказам местных жителей из Хонуу, в верхней части наледи, в устье Эйемю, правого притока Момы, есть изба, принадлежащая семье Тарковых из Сасыра. Была большая вероятность, что в ней в это время года я застану хозяев. Добраться до избы Тарковых было моей целью, ведь, обосновавшись в ней, удобно исследовать восточную часть наледи. Это место называется Кытыл, что в переводе с якутского означает «берег».

Через два дня довольно тяжелого восхождения на байдарке по обширной



сети момских протоков, посреди ледовых полей, я оказался в устье Эйемю — там действительно стоял дом. На столе мерно тикали часы, и, судя по другим признакам, жилище было обитаемо. Утомленный трудным переходом, не дожидаясь хозяев, я заснул на нарах, застеленных оленьими шкурами. Спал я крепко, и момент, когда дверь приоткрылась и в нее заглянул мальчик, поначалу показался продолжением сна.

Выйдя на улицу, я увидел вокруг десяток лошадей, мужчину, женщину и мальчика лет девяти. Мой визит для них не был неожиданным: у Алика и Насти — так звали супругов-коневодов — несколько дней назад администрация парка по рации интересовалась, не встречали ли они «фотографа из Москвы».

Хозяева на несколько дней ходили выше по Моме, к устью реки Тарын-Юрях, откуда им нужно было пригнать

лошадей. Насколько можно судить, это довольно далеко отсюда — со слов коневодов, они возвращались всю ночь. Семья выделила мне место на свободных нарах, а я в благодарность за гостеприимство стал участвовать в их хозяйственной жизни: колоть дрова, делать ступеньки к реке, помогать с лошадьми, благо опыт имелся.

Якутские лошади — полудикие животные, которые свободно пасутся сами по себе. Их подшерсток и шерсть длиной до 15 сантиметров позволяют им комфортно переносить даже 50-градусные морозы, а пропитание зимой лошадки добывают, разгребая глубокий снег копытами.

Лошадей в Якутии держат прежде всего как мясной скот, ибо это один из немногих видов домашних животных, подходящих для разведения на севере. Годовалых жеребят по осени забивают

30-ГРАДУСНАЯ ЖАРА В ЯКУТИИ ЛЕТОМ НЕ РЕДКОСТЬ, И ТОГДА НАЛЕДИ ВОСПРИНИМАЮТСЯ ОСОБЕННО КОНТРАСТНО

на мясо. Отдельным особям, правда, уготована более счастливая судьба — стать ездовой и вьючной лошастью, хотя счастье это сомнительное: уж очень тяжела такая работа, учитывая суровые климатические условия Якутии и сложный рельеф местности.

В общении с хозяевами постепенно проясняются особенности здешней жизни. Тарковы довольно большая семья — шесть братьев и одна сестра. Алик — самый младший из них, ему 38 лет. Его супруга родом из поселка Кунтэк Магаданской области. Сын Владик должен пойти в третий класс — в конце августа за ним приедут родственники из Сасыра, где есть средняя школа. В поселке живет около 700 человек, и мобильной связи там нет, в отличие от районного центра Хонуу.

Истинных якутов в этих местах почти не осталось, все давно перемешались с эвенками и русскими. И даже в якутский язык, на котором говорят также и эвенки, привнесено много слов из эвенского и русского. В Сасыре пытаются поддерживать национальную самобытность, для чего в школе созданы эвенские классы. Однако даже учителя недостаточно хорошо знают родной язык.

*Кытыл — родовая земля Тарковых, здесь Алик провел свое детство. У Момской наледи, где много открытого места и очень удобное пастбище, на попечении младшего из братьев Тарковых около 30 лошадей.*

На Моме с давних времен по соседству живут два древних эвенских рода — Кукуюн и Дельянки. Семья Тарковых принадлежит к роду Кукуюн. В старых местных преданиях есть любопытное сравнение этих родов. Кукуюнцы просты и легки в общении, порой даже чересчур болтливы, могут легко обидеться, но так же быстро отходят. Цвет лица, волос и глаз — светлый. Все дела у них спорятся, хотя порой кукуюнцы весьма необязательны. В нарты запрягают оленьей бурой масти и одежду шьют из шкур такого же цвета. Родовая птица — кукушка («кукаку»). Дельянкиры, наоборот, необщительны, злопамятны, малоразговорчивы, медлительны в движении. Но если берутся за дело, то обязательно доводят его до конца. Цвет лица, волос и глаз — темный. В нарты запрягают оленьей пестрой масти, пестрой же одежде отдают предпочтение. Родовая птица — ворон.

## ЩЕДРЫЙ БАЙАНАЙ

Якутская кухня — незатейливая: простая, питательная, очень калорийная. Якутская походная кухня — незатейливая вдвойне. Хлеб на пастбищах пекут самостоятельно. В пищу употребляют то, что добыли охотой, рыбалкой и собирательством.

Из рыбы чаще всего на столе у нас появлялся хариус, реже — более крупный ленок, иногда щука. Также здесь



МАЛЕНЬКАЯ НАДУВНАЯ БАЙДАРКА  
СОСЛУЖИЛА ХОРОШУЮ СЛУЖБУ  
В ИЗУЧЕНИИ МОМСКОЙ НАЛЕДИ



водится несколько необычная рыба — чукучан, по-русски ее называют «каталка». Эту донную рыбу в шутку именуют местным осетром — на осетра чукучан немного похож своими губами-присосками, хотя к этому виду, конечно же, не относится.

Из мяса мы ели что духи пошлют. В один из дней хозяйка угостила нас деликатесом — вареными лосиными губами. Очень вкусно, разве что слегка жирновато. Лосиные губы оказались последним мясом в семье. Поэтому на следующий день мы с Аликом отправились на охоту в верховья Эйемю, где есть солонец, к которому стекаются чубуку, снежные бараны, — основной объект охоты местных эвенов.

На территории Момского природного парка охотиться можно только по лицензии, но для эвенов, как малой





2



4

1. ЛЕТОМ ЕДУ ГОТОВЯТ НА КОСТРЕ, ИСПОЛЬЗУЯ ПЛАВНИК В КАЧЕСТВЕ ТОПЛИВА
2. ВДАЛИ ОТ ПРОТОРЕННЫХ ТРОП ЕЩЕ МОЖНО ВСТРЕТИТЬ ТАЕЖНЫЕ ИЗБУШКИ В СТИЛЕ ТРАДИЦИОННОГО ЯКУТСКОГО БАЛАГАНА — ДОМА В ФОРМЕ УСЕЧЕННОЙ ПИРАМИДЫ
3. ЭВЕНСКАЯ ЖЕНЩИНА УПРАВЛЯЕТСЯ С ЛОШАДЬМИ НЕ ХУЖЕ МУЖЧИНЫ
4. ДЕТИ ЗДЕСЬ С МАЛЫХ ЛЕТ ЖИВУТ В ЕДИНЕНИИ С ПРИРОДОЙ

народности, есть исключения — им разрешается ограниченная охота для личного пропитания. Решение совершенно оправданное, ведь иначе здесь не выжить. Люди, живущие настолько изолированно, — такая же частичка окружающей среды, требующая особого к себе отношения.

На охоту не принято ходить пешком, и мы поехали на лошадях. Занятие для непривычного человека довольно мучительное: четыре часа в седле, сначала

по болоту, затем по камням, показались бесконечно долгими.

На Эйемю примерно в 12 километрах выше устья есть еще одна наледь. Здесь мы заночевали и только на следующий день поднялись к черным скалам, высоко по левому борту долины реки, где на камнях виднелся белый налет — это и есть солонец, скопление соли, так необходимой диким животным. На солонцах бараны часто теряют осторожность и становятся легкой добычей охотника.

Но нам не повезло: бараны так и не появились, ни в тот день, ни на другое утро. Видно, плохо Алик кормил огонь — в Якутии есть такая традиция: во время трапезы нужно обязательно бросить кусочек пищи в огонь и попросить духа Байаная об охотничьей и прочей удаче. Существует целая система якутских заговоров на разные темы, а Байанай — самый главный дух, изначально просто бог охоты, но теперь — олицетворение удачи во всех смыслах.

Три дня похода так и не привели к успеху, мы вернулись домой с пустыми руками и с чувством вины перед женщиной, которая ждала добычу, чтобы кормить семью. Но все же Байанай оказался к нам благосклонен. На следующий день после возвращения мы с Аликом отправились на Балаганнах, небольшой приток Момы, где хорошо ловится ленок. Через несколько километров, на полпути, одна из собак, учуяв что-то, бросилась в лес. Подарком Байаная оказался сохатый.

Две недели в маленькой эвенской семье пролетели быстро, породнив меня с этими простыми, открытыми и живыми людьми. Мне нужно было уходить вниз по Моме, в Хонуу. Мы тепло попрощались, я загрузил свой нехитрый скарб в байдарку и отправился вниз по реке. Потухшие вулканы, охраняющие покой в долине, молча провожали меня обратно, в цивилизацию. Время, казалось, застыло в неподвижности, хотя стрелки часов все так же исправно отсчитывали секунды, минуты и часы. Жизнь здесь течет своим чередом, и пусть эта земля остается первозданной. Как можно дольше. ■